

УДК 347.93

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ВРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ОСПАРИВАНИИ
ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ СДЕЛОК**

И. Г. Фильченко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 февраля 2019 г.

Аннотация: рассматриваются особенности доказывания по делам об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Анализируются положения закона, закрепляющие правовые презумпции, влияющие на распределение бремени доказывания. В последнее время изменился подход законодателя в отношении распределения бремени доказывания по данной категории. Раскрываются причины подобных изменений.

Ключевые слова: гражданский процесс, корпоративные споры, доказывание, презумпции, оспаривание сделок.

Abstract: *the article touches upon the peculiarities of proving in invalidating major and interested party transactions matters. The provisions of law on the legal presumptions shifting the burden of proof are analysed. The article also discovers the preconditions of recent change in legislative approach towards the burden of proof sharing on such matters.*

Key words: *civil procedure, corporate disputes, proof, presumptions, transaction invalidation.*

Оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью хозяйственных обществ требует установления ряда обстоятельств, доказывание которых возлагается на стороны процесса. С 1 января 2017 г. нормы об оспаривании экстраординарных сделок хозяйственных обществ претерпели изменения, которые касаются в том числе состава фактов, подлежащих установлению для правильного разрешения дела, а также правил распределения обязанностей по их доказыванию.

Законы о хозяйственных обществах (ст. 79 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью») предусматривают положения, указывающие на обязательность учета добросовестности контрагентов при совершении крупных сделок. Аналогичные правила предусмотрены для оспаривания сделок с заинтересованностью (ст. 81 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Добросовестность контрагента является основанием для отказа в удовлетворении требования о признании сделки недействительной. Причем ранее факт добросовестности, входящий в предмет доказывания по данной категории дел, подлежал доказыванию ответчиком, т. е. недобросовестность контрагента презюмировалась.

Подобная доказательственная конструкция была также предусмотрена для установления факта совершения оспариваемой сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности (п. 1 ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 1 ст. 78 Федерального закона «Об акционерных обществах»), наличие которого также исключает удовлетворение иска о признании сделки недействительной.

Иными словами, при рассмотрении данной категории дел суды исходили из того, что оспариваемая сделка совершена за пределами обычной хозяйственной деятельности, а также, что контрагент по сделке заведомо знал или должен был знать о нарушении требований закона при совершении сделки. Опровержение данных фактов возлагалось на ответчика. Так, Пленум ВАС РФ в постановлении от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» отмечал, что бремя доказывания совершения оспариваемой сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности лежит на ответчике¹.

Изменения, внесенные в законы о хозяйственных обществах, вступившие в силу с 1 января 2017 г., закрепили иные правила установления указанных выше фактов, наличие которых влияет на возможность удовлетворения требований о признании экстраординарных сделок недействительными. В частности, ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» закрепили как качественный признак крупной сделки – совершение ее за пределами обычной хозяйственной деятельности.

Данный подход принципиально меняет распределение бремени доказывания при рассмотрении исков о недействительности сделок. Поскольку выход за пределы обычной хозяйственной деятельности теперь является необходимым признаком крупной сделки, то доказывание данного факта возлагается на истца. В развитие данной идеи Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 постановления от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» отметил, что любая сделка общества считается совершенной в пределах обычной хозяйственной деятельности, пока не доказано иное. Бремя доказывания совершения оспариваемой сделки за пределами обычной хозяйственной деятельности лежит на истце².

Подобным образом произошло изменение правил о распределении бремени доказывания факта добросовестности контрагента по сделке путем изложения в новой редакции ст. 79 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: суд отказывает в удовлетворении требований о признании крупной сделки, совершенной в отсутствие надлежащего согласия на ее совершение, недействительной, если при рассмотрении

¹ Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

дела в суде не доказано, что другая сторона по данной сделке знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой, и (или) об отсутствии надлежащего согласия на ее совершение.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 постановления от 26 июня 2018 г. № 27 обозначил также правила распределения бремени доказывания в отношении данного факта: «на истца возлагается бремя доказывания того, что другая сторона по сделке знала (например, состояла в сговоре) или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой (как в части количественного (стоимостного), так и качественного критерия крупной сделки) и (или) что отсутствовало надлежащее согласие на ее совершение»³. Аналогичные разъяснения приводятся в постановлении в отношении факта заинтересованности в сделке и об отсутствии согласия (одобрения) на ее совершение (п. 27).

Таким образом, при рассмотрении требования о признании недействительной крупной сделки и сделки с заинтересованностью следует исходить из нескольких доказательственных презумпций, наличие которых существенно распределяет бремя доказывания фактов, от установления которых зависит правильное разрешение дела.

Возникает вопрос, чем вызвано изменение позиции законодателя и правоприменителя в отношении регулирования порядка оспаривания экстраординарных сделок хозяйственных обществ? Как было приведено выше, рассматриваемые нормативные акты и ранее содержали презумпции в отношении факта добросовестности контрагента по сделке и факта совершения сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности. Однако теперь изменился субъект, в интересах которого установлено данное предположение. Следует учитывать, что презумпция как правовая конструкция имеет свое функциональное назначение, которое обуславливает ее использование в той или иной сфере правоотношений. Именно оно позволяет определить обоснованность и целесообразность применения данного правила.

С точки зрения порядка рассмотрения гражданских дел презумпция выполняет функцию распределения бремени доказывания, что отражает ее процессуальное значение. Однако распределение бремени доказывания при помощи презумпции является специальным правилом, применение которого возможно лишь в случаях, указанных в законе. Устанавливая данное правило, законодатель исходит из необходимости защиты прав участников судебного разбирательства при осуществлении доказательственной деятельности. Так, по мнению О. В. Баулина, правовые презумпции являются способом установления юридически значимых обстоятельств при невозможности их достоверного выяснения в связи с недостаточностью доказательств⁴. Поскольку применение презумпции

³ Там же.

⁴ См.: Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004. С. 234.

возможно не на основании усмотрения суда в конкретном деле, а в силу прямого указания закона для отдельных материальных правоотношений, то презумпция необходима в тех случаях, когда одна из сторон в силу специфики спорного правоотношения не имеет возможности в надлежащей степени доказать факты-основания своих требований и возражений. Как отмечает М. К. Треушников, «презумпция формулируется в интересах стороны, поставленной в более трудные условия доказывания»⁵, т. е. презумпции в праве устанавливаются, как правило, с целью защиты наиболее слабой стороны в материальном правоотношении, которой в процессе рассмотрения дела в суде сложнее доказать презюмируемый факт⁶. Так, типичным для презумпций является их применение с целью исключения установления отрицательных фактов, доказывание которых является затруднительным.

Некоторые авторы именно со сложностью доказывания отрицательных фактов связывали существование ранее в законодательстве презумпции совершения крупных сделок за пределами обычной хозяйственной деятельности. Так, Р. В. Речкин отмечает, что «необходимо учитывать, что истец, как правило, объективно не имеет возможности доказать отрицательный факт – то, что оспариваемая сделка не была принята в деятельности соответствующего общества (либо иных хозяйствующих субъектов, осуществляющих аналогичные виды деятельности)»⁷. Вместе с тем в рассматриваемой ситуации в более сложное положение с точки зрения доказывания обстоятельств дела поставлен ответчик, а не истец. До 1 января 2017 г. для защиты своих прав ему приходилось подтверждать свой статус добросовестного участника правоотношений, который предполагает осуществление им действий, ожидаемых от участника гражданского оборота в сходных обстоятельствах (совершение сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности), а также отсутствие осведомленности об обстоятельствах, на которых основаны заявленные требования (не знал или не должен был знать о том, что сделка являлась крупной и об отсутствии надлежащего согласия на ее совершение). Доказывание добросовестности участника правоотношения является наиболее сложным по сравнению с доказыванием фактов, подтверждающих нарушение стандарта добросовестности. Именно для защиты добросовестности участников имущественного оборота законодатель закрепил рассматриваемые презумпции в обновленном законодательстве⁸.

⁵ См.: *Треушников М. К.* Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М., 1982. С. 162.

⁶ См.: *Грубцова С. П.* Правовые презумпции в судебном административном процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 127.

⁷ *Речкин Р. В.* Первые вопросы по новеллам законодательства об оспаривании сделок по крупности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 104.

⁸ См.: Оспаривание экстраординарных сделок : новые разъяснения Верховного Суда / И. Шиткина [и др.] // Закон. 2018. № 7. С. 25.

Следует учитывать, что ранее существовавший подход в доказывании при оспаривании экстраординарных сделок не соответствовал общим положениям гражданского законодательства, которые в ст. 10 Гражданского кодекса РФ содержат общую презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений. Кроме того, последовавшие изменения законодательства о хозяйственных обществах устранили противоречия с отдельными нормами Гражданского кодекса РФ о недействительности сделок. Например, согласно ст. 173.1 Гражданского кодекса РФ для оспаривания сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия, необходимо доказать, что контрагент знал или должен был знать о соответствующем нарушении.

Таким образом, обновленное законодательство о крупных сделках и сделках с заинтересованностью в части распределения бремени доказывания полностью отражает общие правила добросовестности, что обеспечивает надлежащую защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Воронежский государственный университет

Фильченко И. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: filchen_ko@mail.ru

Voronezh State University

Filchenko I. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil Law and Process Department

E-mail: filchen_ko@mail.ru